

Полет над эпохой

Любовь Орлову любили бы и в Голливуде

Екатерина Сальникова

11 февраля исполняется сто лет Любови Орловой. Ее расцвет пришелся на самые советские десятилетия – 30-е и 40-е. Поэтому вполне логично, что эту актрису всегда воспринимали как блистательное воплощение соцреализма и фасад советской идеологии. Ее даже называли «девушкой идеологической мечты». Отдавая должное ее таланту, всегда помнили, что Любовь Орлова всей своей фактурой неизменно осуществляла «лакировку действительности». Статус любимой актрисы Сталина вообще вносил в имидж Любови Орловой излишнюю политизацию.

Из XXI века актуальным видится, скорее, противоположное. Орлова явилась первой и почти неповторимой советской звездой, парившей над любой идеологией. Эта актриса существовала по универсальным законам женщины-кумира XX века. Ее юность пришлась на 20-е годы – от них Орлова унаследовала эйфорию игры и мюзик-холльную раскрепощенность. В то время капитализм уже превратился в ретроэстетику, а социализм еще не оформился в безальтернативную реальность. И этот зазор между эпохами даровал лихорадочную свободу и радость творчества.

Взойдя на Олимп, Орлова попала в то специфическое пространство, где уже не действуют законы для рядовых граждан. В ее героинях весьма лестно было видеть идеал русской и советской женщины. Но всмотримся внимательно и непредвзято. Белокурые локоны, стройная, плотная и пружинистая фигура, мощная энергия самоутверждения. Все складывается в образ, совпадающий и с арийским идеалом энергичной и деятельной женщины, вдохновляющей на подвиги. Не только Сталин, но и Третий рейх не отказался бы от такой примадонны. Сильному агрессивному государству закономерно импонирует образ блистательной, сильной и целеустремленной женщины. Именно такую женщину такое государство и готово сделать своим ху-

Любовь (Петровна) побеждает смерть.

дожественным символом. В Орловой ощущался тот избыток оптимизма и заразительных улыбок, которые не отработались по официальным предписаниям – они должны исходить изнутри человека. В том, что принято считать советским оптимизмом, таилось нечто родственное оптимизму американскому: радость публичного бытия в слиянии с огромной державой, находящейся на подъеме.

В Любови Орловой вообще было слишком много откровенной сексуальности – без комплексов запретности или претензий на инфернальную порочность. Такая светлая эротика характерна в основном для западных актрис. И в нашем кинематографе земная притягательность Орловой существовала как бы параллельно аскетизму и внешне-сексуальной духовности, провоз-

глашаемым в качестве правила для масс. Орлова прибегала к пластическим операциям – и первая воплощала культ бессмертия и нетленной красоты, свойственный опять же западному мировосприятию. Наконец, она творила в атмосфере патетики, отрешенная от прозы бытия и противоречий психологизма. Героическая драма и музыкально-поэтическая комедия – вот ее излюбленные жанры.

Любовь Орлова была нашей уникальной синтетической актрисой, экспортным вариантом «советской» женщины. Ее домработница с мещанского курорта в «Веселых ребятах» носила чаплиновские башмаки, подходящие для клоунессы. Ее улыбка могла затмить все жизнелюбие Голливуда, а манера подмигивать – все кокетство кабарежной Европы. Ее танцевальный темпера-

мент и вокальное дарование превращали наши волжские просторы в декорации для мюзикла.

Поддержание в себе гармонии и безупречности Орлова понимала как высокую работу актрисы, как первейший долг женщины перед государством и народом. Ей совсем не обязательно было сниматься и выходить на сцену непременно в эпоху соцреализма. Ведь редкое государство, редкая власть и редкая нация откажутся от столь выигрышного эстетического идеала. Однако жизнь Любови Орловой совпала именно со сталинским временем оптимизма и монументализма. И она подарила этому времени множество общечеловеческих ценностей, которые продолжают существовать и вне советских идеологем, и после крушения советского уклада.